
ФИЛОСОФИЯ*(шифр научной специальности: 09.00.08)*

УДК 101

Б.И. Буйло*Российский университет транспорта (МИИТ)**г. Москва, Россия*

builobi@mail.ru

**ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ФИЛОСОФИИ И НАУКИ
В ВОЗЗРЕНИЯХ Н. БЕРДЯЕВА****[*Boris I. Builo* Problem of philosophy and science correlation
in N. Berdyaev's ideas]**

The problem of correlation of different spheres of human knowledge worried many thinkers of the past, including the Russians. However, it was considered in different ways, depending on the ideological and methodological attitudes of the thinker. Noting the special relevance of the problem of synthesis of philosophy and science, it should be emphasized that its solution today should not be sought in an attempt to combine modern scientific knowledge and philosophy. In the form of how these spheres of human knowledge exist now, it is, in principle, impossible. It is necessary to form a high level of spirituality of scientists themselves, that is, those who carry out scientific research. Therefore, the experience of cognition of the world around us, which gives rise to modern postmodernism, is actually unproductive. Unproductive because it deals with deconstruction, not construction, not creation. And creation is possible only from certain morally thought-out positions, from the standpoint of high spirituality. Therefore, operating with the categories of high spirituality is, according to Berdyaev, the future not only of philosophy, but also of human knowledge in general. This, in his opinion, is an anthropological turn in philosophy and science, which will take place in the XXI century

Key words: philosophy, science, necessity, creativity, objectification, intuition, freedom, spirituality.

Проблема единения различных сфер человеческого познания волновала многих мыслителей прошлого, в том числе и русских. Однако решалась она по-разному, в зависимости от мировоззренческих и методологических установок мыслителя. Отмечая особую актуальность проблемы синтеза философии и науки, следует подчеркнуть, что ее решение сегодня нужно искать не в попытках объединения современного научного знания и философии. В том виде, как эти сферы человеческого познания существует сейчас, это, в принципе, невозможно. Необходимо формирование высокого уровня духовности самих ученых, то есть тех, кто осуществляет научные исследования.

Поиски путей сближения различных областей познания человеком мира, сегодня необходимо осуществлять в сфере формирования высокой культуры тех, кто осуществляет это познание.

Если обратиться к творчеству известного русского религиозного философа Николая Александровича Бердяева, то он в своих произведениях специально подчеркивал, что разделение познания на философское и научное явилось следствием объективации бытия. То есть его материализации и детерминации по отношению к человеку, его отчуждения и разделения на субъект и объект как результат первородного греха.

В связи с этим необходимость понимается Бердяевым в качестве отчужденной свободы, в виде результата приспособления человека к миру, как чему-то внешнему по отношению к нему. Она есть результат отчуждения духа от человека, его упорядочивания и связывания в внешний мир и, как следствие, превращение собственной духовности в чуждую и непонятную человеку вещь.

Необходимость есть продукт злоупотребления свободой. «Направление воли свободных существ – подчеркивал Н. Бердяев – создает природную необходимость, рождает связанность. Разрыв всех существ мира, распад божественного единства ведет к связанности, к скованности необходимостью. Все оторванное от меня, далекое, чуждое я воспринимаю как давящую материальную необходимость. Все близкое, родное, со мной соединенное я воспринимаю как свободу» [1, с. 65]. Таким образом, необходимость рассматривается Н. Бердяевым как процесс объективации свободы, когда творческие акты связываются в строго определенный порядок действий и противостоят личности в качестве внешней и потому чуждой для неё силы.

Такое осознание необходимости исключает адекватное постижение окружающего мира с помощью науки. Это, согласно Бердяеву, задача метафизики или философии. Основная цель науки состоит в познании необходимости; творчество и свобода, определяющие развитие человека в мире, не являются ее стихией. «Наука по существу своему и по цели своей – писал Н. Бердяев – всегда познает мир в аспекте необходимости, и категория необходимости – основная категория научного мышления как ориентирующего приспособление к данному [объективированному – Б.Б.] состоянию бытия. Наука не прозревает свободы в мире» [2, с. 267]. В отличие от науки, фило-

софия, по мнению Бердяева, стремится к познанию духа, постижению смысла бытия как результата свободного творчества. Поэтому философия не может и не должна быть наукой.

Любая попытка создания научной философии означает ее приспособление к необходимости и данности, что объективно лишает философию собственного предмета и метода исследования. Философия – это особая форма познания, которая в целом не сводится ни к искусству, ни к науке. Она принципиально отличается от живописи, музыки или поэзии, поскольку творит не образы, а идеи. Но философия все-таки ближе к искусству, так как она именно творит их. «Философия – подчеркивал Н. Бердяев – есть искусство познания в свободе через творчество идей, противящихся мировой данности и необходимости и проникающих в запредельную сущность мира» [2, с. 269]. Видимо руководствуясь таким пониманием сущности философии, Бердяев в своем творчестве стремился максимально сократить использование абстрактных понятий и категорий, придавая теоретическим работам повествовательную форму и делая их внешне близкими литературным произведениям.

То, что с помощью философии можно постигать запредельную сущность вещей, вытекает из природы самого философского познания как формы самосознания человека. Последний в качестве частицы вселенной несет в себе тайну ее бытия. В человеке как в микрокосмосе воспроизводятся все иерархические ступени его развития. Являясь высшим иерархическим звеном во Вселенной, человек посредством самовыражения себя в творчестве может постигать как родственные ему любые космические состояния. «Философия – писал Н. Бердяев – и есть самосознание человеком его царственной и творческой роли в космосе. Философия есть познавательное освобождение от подавленности» [2, с. 288]. Философское творчество, согласно Бердяеву, есть интуиция, которая стремится проникать в сущность вещей, постигая за внешней данностью смысл их бытия.

Научное познание интересуют необходимые связи и отношения в данном нам мире, но их назначение и смысл остаются за пределами науки. Ценностные характеристики мира, как и смысл его бытия не могут быть объектом ее исследования, поскольку задача науки обезопасить существование человека, дать в его руки «орудие охраны», но охраны именно в условиях бессмысленной необходимости бытия. «Познание ценностей, – отмечал Н. Бердяев – т.е.

того, что находится за пределами мировой данности, навязанной действительности, есть дело философии, как творческого искусства, а не как науки и потому не требует логики познания ценностей. Может быть логика наук – логики философии быть не может и не должно» [2, с. 276]. Философское познание не столько отражает, сколько творит мир.

Поэтому, подчеркивал Н. Бердяев, «в творческом, познавательном акте философии есть порыв к иному бытию, иному миру, есть дерзновение на запредельную тайну» [2, с. 280]. Подлинная истина бытия заключает в себе смысл его существования. Она не может быть познана в результате анализа внешней данности или необходимости, от которых этот смысл всегда скрыт. Истинность философской интуиции определяется не системой логических доказательств и обоснований. Она предполагает согласие с ней других творческих личностей, которые принимают ее в процессе общения.

Истина здесь есть результат творческого согласия многих, она основа их духовной близости. «Последним критерием истинности философской интуиции – писал Н. Бердяев – может быть лишь вселенский соборный дух. Соборность сознания есть единая познавательная любовь. Доказательства не нужны для соборного сознания. Доказательства нужны лишь для тех, которые любят разное, у кого разные интуиции. Доказывают лишь врагам любимой истины, а не друзьям» [2, с. 286]. Сама соборность понимается Бердяевым как духовное единение личностей, то есть это общность, порожденная духовной близостью.

Соборность это соединение именно самостоятельных личностей, а не коллектив, где единство достигается путем отказа от личного в пользу общего. Поэтому критерием для соборности не могут быть чисто количественные показатели большинства. «Духовная общность, соборность – подчеркивал Н. Бердяев – может быть в каждой личности, в каждом субъективном духе, хотя она не может быть суммой чего-либо. Эта духовная общность есть универсальное качественное содержание субъективного личного духа, он реализуется в духовном мире, а не в объективированном мире. Дух коллективный есть уже вторичное, уже объективация» [3, с. 391]. Соборность выступает качественным состоянием сознания, она характеризует максимальную степень его одухотворенности.

Философская интуиция реализует в себе сопричастность человека высшему, божественному дару. Вследствие этого она не требует никакой логики, помимо той, что содержится в ней самой. В философской интуиции не предполагается ничего познавательного до нее, она сама является самооправданием и самосанкцией.

Таким образом, по мнению Бердяева, осуществляется выход из дурной бесконечности логического ряда. «Философская интуиция – отмечал он – предшествует всякой логике и всякому учению о категориях как изначальная и пользующаяся логикой лишь в качестве своего инструмента» [2, с. 277]. Основная задача интуиции – раскрыть человеку тайну его бытия.

С помощью интуиции человек постигает подлинную природу вселенной, соединяя антропологизм с космизмом. «Погружение человеческого микрокосма в свою глубину путем интимной интуиции – подчеркивал Н. Бердяев – лишь кажется субъективным и необязательным. В существе же тут есть погружение в тайну макрокосма. Тайна макрокосма раскрывается лишь тем, которые отмечают принудительно-навязчивую необходимость, кажущуюся необходимостью и подходят к макрокосму через микрокосм, через свободу Абсолютного Человека» [2, с. 289]. Однако само стремление познать вселенную, раскрыть смысл ее существования может возникнуть лишь у того, кто уже ощущает себя вселенной, кто способен охватить ее в себе и осознать себя центром бытия.

Для человека, отмечал Бердяев, существование мира без него лишено всякого смысла. То, что он центр мироздания, не может быть доказано ни философией, ни наукой. «Само сознание человека как центра мира, в себе таящего разгадку мира и возвышающегося над всеми вещами мира, – писал Н. Бердяев – есть предпосылка всякой философии, без которой нельзя дерзать, философствовать» [2, с. 294]. Наука дает нам лишь внешнее, объективированное знание о мире, которое противостоит человеку и по видимости существует независимо от него. С помощью философии человек получает возможность субъективного познания мира. Знание здесь становится результатом самопознания.

Поэтому процесс познания мира как окружающего, так и внутреннего всегда должен содержать в себе определенный ценностный аспект, нести экзистенциальную нагрузку. Бердяев не мыслит современный ему процесс познания без аксиологических, т.е. ценностных подходов и ценностного

анализа. Здесь, по его мнению, необходимо обращение к проблемам нравственности, к проблемам духовности. Человек по своей природе, подчеркивал Бердяев, принадлежит сразу к двум мирам. Он является составной частью внешнего, природного мира, объективного и необходимого. Но в то же время человек выходит за рамки этого материального мира, выступая образом и подобием абсолютного бытия.

Человек – это единство и одновременно граница двух миров. Его самосознание находится за гранью природного бытия и поэтому необъяснимо из него. «Высшее самосознание человека – писал Н. Бердяев – есть абсолютный предел для всякого научного познания. Наука с полным правом познает человека лишь как часть природного мира и упирается в двойственность человеческого самосознания как свой предел» [2, с. 297]. В научном познании констатируется тот факт, что человек занимает одну из ступеней в бесконечной иерархии живых и неживых существ, являясь лишь малой, дробной частью вселенной. Материализация природы, то есть ее объективация и, следовательно, отделение от человека и противопоставление ему стала, как уже отмечалось, результатом человеческого грехопадения. Поэтому только от человека зависит, будет ли природа существовать в нем самом как высшем, Абсолютном существе; или человек останется одной из ее дробных частей.

Акт спасения есть переход человека в «Сверх Человека». «Человеческий род – писал Н. Бердяев – перерождается в человечество. Это переход в иной план бытия из плана материального» [2, с. 261]. В связи с этим смысл человеческой жизни, отмечал он, состоит не в искуплении греха, а в свободном творении нового Абсолютного Человека через искупление греха.

В творчестве все трансцендентное для человека становится имманентным. «Только творческий акт человека – подчеркивал Н. Бердяев – выводит из дурного объективированного времени, но объективация результатов творческого акта вновь вводит во время. Объективация замыкает сознание, закрывая бесконечность» [3, с. 391]. Духовность, следовательно, не сводится ни к подсознанию, ни к сознанию. Она является «сверхсознанием». Объективация же духовности приводит к ее подчинению ограничениям сознания.

Быть свободным и, следовательно, осуществляющим творчество, человек способен лишь в той степени, в какой он становится независимым от природной необходимости. Познавая природу и ее законы, ученый может

открывать что-то новое в ней для себя, но при этом он не производит ничего принципиально нового для самой природы, так как в ней все это уже заложено. Создать нечто новое в окружающем человека объективированном мире, он может, лишь одухотворив его, то есть реализовав себя в нем как личность, разделив с ним свою судьбу.

Вследствие этого, по мнению Бердяева, у космоса и человека одна судьба. Человек вынужден изменять и преобразовывать космос, поскольку просто уйти из него он не может. Своим творческим актом человек раскрывает в себе и для себя природу космоса, пребывая тем самым в самом космосе, отождествляя себя с ним. Творчество – это прорыв к запредельному, Абсолютному бытию, и в этом смысле к нему неприемлемо деление на субъект и объект.

Поэтому, считал Бердяев, сегодня именно социализм с его желанием кардинального переустройства и изменения мира на началах социальной справедливости и равенства реализует в превращенной форме творческую активность человека в социальной сфере. Сравнивая социализм и капитализм, Бердяев отмечал, что первый является завершающим этапом развития буржуазного общества, неизбежным и закономерным следствием его эволюции.

«Социализм есть необходимое и справедливое развитие буржуазности, буржуазного мироустройства. Все буржуазные аргументы против социализма – лицемерны и порочны. Социализм есть последняя правда и последняя справедливость буржуазности» [2, с. 487]. Социализм, как его понимал Бердяев, является выходом за границы капитализма, с его классическими правовыми и хозяйственными нормами. Уже в самом факте его возникновения содержится отрицание этих норм и стремление прорыва к пределу, к трансцендентному. Поэтому движение стран и народов в направлении социализма выступает общей тенденцией развития мирового исторического процесса.

Делая некоторые выводы можно отметить, что в центре внимания Бердяева всегда находился человек, личность, индивид. Это личность, имеющая творческое отношение к миру, способная к творческому созиданию жизни. Но с позиций определенных ценностных категорий. Эти ценностные категории духовности, нравственности оказываются для Бердяева на первом плане, и поэтому тому способу познания мира, которым пользуется Бердяев, принадлежит будущее. Более того, можно сказать, что именно этого способа отношения к миру не достает современной культуре.

Тот опыт познания окружающего нас мира, который порождает современный постмодернизм, на самом деле оказывается непродуктивным. Непродуктивным потому, что он занимается деконструкцией, а не конструкцией, не созиданием. А созидание оказывается возможным только с определенных нравственно продуманных позиций, с позиций высокой духовности. Поэтому оперирование категориями высокой духовности это, согласно взглядам Бердяева, будущее не только философии, но и человеческого познания в целом. В этом, по его мнению, состоит антропологический поворот в философии и науке, который будет происходить в XXI веке и у истоков которого стоял сам Н. Бердяев.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Бердяев Н.А.* Философия свободы // *Бердяев Н.А.* Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989.
2. *Бердяев Н.А.* Смысл творчества // *Бердяев Н.А.* Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989.
3. *Бердяев Н.А.* Дух и реальность. Основы богочеловеческой духовности // *Бердяев Н.А.* Философия свободного духа. М.: Республика, 1994.
4. *Буйло Б.И.* Судьба России в культурно-исторической концепции Н.А. Бердяева. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003.
5. *Буйло Б.И.* Тема России в русской социально-политической и философской мысли конца XIX–XXI веков. М.: Юридический институт МИИТа, 2014.

R E F E R E N C E S

1. *Berdyayev N.A.* The philosophy of freedom // *Berdyayev N.A.* The philosophy of freedom. The meaning of creativity. M.: Truth, 1989.
2. *Berdyayev N.A.* The meaning of creativity // *Berdyayev N.A.* Philosophy of freedom. The meaning of creativity. M.: Truth, 1989.
3. *Berdyayev N.A.* Spirit and reality. The foundations of divine-human spirituality // *Berdyayev N.A.* The philosophy of the free spirit. M.: Republic, 1994.

4. *Builo B.I.* The Fate of Russia in the cultural-historical concept of N.A. Berdyaev. Rostov-on-Don, 2003.
5. *Builo B.I.* The Theme of Russia in the Russian socio-political and philosophical thought of the late XIX–XXI centuries. M.: Legal Institute of the MIIT, 2014.

21 марта 2019 г.
